

«Он всерьез относился к человеку, всерьез относился ко Христу»

Кардинал **Кевин Джозеф Фаррелл**, префект Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни

В двадцатую годовщину смерти отца Луиджи Джуссани меня попросили поразмышлять о том, какой вклад он внес в жизнь Церкви и мира. Не буду углубляться в исторический анализ и обобщу все, что приходит мне в голову, когда я думаю о его личности и делах, в единственной мысли, которую сформулирую так: «Он всерьез относился к человеку, он всерьез относился ко Христу».

С юности отец Джуссани был одарен ярко выраженной человеческой, экзистенциальной и, я сказал бы, философской чувствительностью, позволявшей ему достигать глубин человеческой души. Он умел улавливать великие устремления человеческого сердца, присутствующие в каждом, высвечивать их; он сделал их темой своих размышлений, говорил о них восхищенно, с изумлением и уважением. Многие молодые люди, слушая его, осознали самих себя, открыли для себя свой внутренний мир, масштаб собственного сердца. Возможно, они и не догадывались о достоинстве их души, о высотах, к которым, сами того не понимая, тянулись. Они узнали себя в описании человека, всякого человека, с которого отец Джуссани начинал путь поиска смысла жизни. Думаю, многие молодые люди во время первых встреч с ним, должны были замирать от радости, смешанной с удивлением, и думать в глубине души: «То, о чем говорит этот священник, — чистая правда! Именно так я и чувствую. Именно это переживаю. Это я! Порой я догадывался об этом, но мне никогда не удавалось так это выразить!» В этом смысле, как я сказал, отец Джуссани «всерьез относился к человеку»: он исследовал глубочайшую человеческую реальность, неизменную, не привязанную к определенной исторической эпохе, культуре или местности.

Отец Джуссани умел разговаривать с человеком как таковым, с человеком, задающим себе неизбежные вопросы о смысле, желающим переживать в полной мере каждый аспект жизни: любовь, дружбу, отношения, работу, общественные обязательства и т. д.; с человеком, в конечном счете открытым трансцендентному измерению жизни, испытывающим беспокойство до тех пор, пока ему не удастся найти «всеобъемлющий ответ» на свои

вопросы — тот, который всему придает смысл, который настолько «заряжен» бытием, благом, истиной, что удовлетворяет любое желание и может быть основанием любого аспекта реальности и придавать глубину любому человеческому опыту, включая самые простые и «мирские» моменты существования (привязанность, дружбу, учебу, науку, работу)...

«Серьезное отношение к человеку» отец Джуссани сочетал с «серьезным отношением ко Христу». Своим первым ученикам отец Джуссани представлялся как «священник в рясе» и как тот, кто открыто и прямо говорит о своей вере в Иисуса Христа. Он никогда не скрывал свою идентичность, свою миссию, свои убеждения. Открытие Иисуса как центра истории и мироздания, как стержня

Отец Джуссани подчеркивал безвозмездную и удивительную инициативу Бога, вышедшего нам навстречу, давшего встретиться Себя

всего сущего и как полноты смысла для человека стало для него в юношеские годы настоящим потрясением. Он никогда не прекращал делиться этим своим личным открытием и возвещать его всем, с кем он встречался. Отец Джуссани всегда особым образом подчеркивал безвозмездную и удивительную инициативу Бога, вышедшего нам навстречу, давшего встретиться Себя, познать на опыте конкретной человеческой жизни Его Сына, в историческом существовании Иисуса из Назарета, которое навеки останется «историческим фактом». Поэтому-то он так настаивал на том, что христианство — не чувство, не философская догадка о возвышенной истине и не строгое требование этического характера, а «событие», непрерывно присутствующее в истории. Бог, Его реальность, Его бытие, Его любовь вышли нам навстречу в «человеческой плоти» вочеловечившегося Слова, которое по сей день и вечно остается конкретным, «воплощенным» благодаря Церкви — «Телу» Христову, Его видимому продолжению в истории. Отец Джуссани никогда не боялся

говорить о Христе, в том числе и в среде, не располагающей к религиозным темам. Он никогда не боялся утверждать, что Христа мы встречаем в Церкви, а не в одиночном опыте мнимой «духовности». Мы встречаем Его в Церкви, понимаемой конкретно, состоящей из верующих мужчин и женщин, вместе переживающих веру, из пастырей, из «Традиции» — всеобъемлющего истолкования реальности, проистекающего из христианского кредо, а также из «традиций» — исторических, литургических, благочестивых форм выражения веры, которые отец Джуссани мудро превозносил и предлагал молодежи. Все остальное, я сказал бы, пришло само собой. Когда люди обретали во Христе полноту человеческого существования и принимали Его, почти естественным образом, от «избытка» и «внутренней последовательности» они выражали новое присутствие Христа в них через все свои занятия: в мире работы, в профессиональной сфере, в школе, в делах милосердия, которые расцвели с годами. Одним словом, отец Джуссани умел соединять «вопросы человека» с «ответом Бога», демонстрируя разумность христианской вести, ведущей к полному свершению человечности. Его воспитательская харизма пробуждала

Его невероятная воспитательная и евангелизационная работа по сей день продолжает указывать Церкви направление

в сердце великие вопросы, озаряя человеческие устремления, и показывала, что Христос — окончательный ответ на все эти вопросы. Вот что на протяжении всей его жизни увлекало тысячи людей.

Если задуматься, можно увидеть в этом аспекте харизмы отца Джуссани провиденциальную инициативу Святого Духа, благодаря которой в нем пророчески выразилось то, что впоследствии вдохновило Второй Ватиканский собор. Отцы Собора поставили перед собой задачу вновь обратиться — с истиной и откровенностью — к современному человеку и предложить ему вечную ценность Христа. Вспомним знаменитый отрывок из пастырской конституции *Gaudium et spes*, где перечислены заложенные

в нас основополагающие вопросы: «Что такое человек? Каков смысл страдания, зла, смерти, которые продолжают существовать, несмотря на столь значительный прогресс? К чему все эти победы, приобретенные такой ценой? Что может человек может дать обществу, чего он может от него ожидать? Что произойдет после этой земной жизни?» (10). Перед лицом этих вопросов отцы Собора утверждают: «Церковь... верует в то, что Христос... подает человеку свет и силу, чтобы тот мог ответить своему высшему призванию... <...> ...в свете Христа... Собор намеревается обратиться ко всем людям, чтобы осветить тайну человека» (*Там же*). Именно этим и занимался отец Джуссани на протяжении всей своей жизни, в этом его великий вклад в Церковь.

Невероятная воспитательная и евангелизационная работа этого ревностного священника, верного служителя Церкви, которую я обобщенно описал выражением «серьезное отношение к человеку, серьезное отношение ко Христу», по сей день продолжает указывать направление всей Церкви. Церковь, с одной стороны, рискует не относиться всерьез к человеку, когда она упрощает его, сводит к наиболее поверхностным потребностям и в результате предлагает ему через свою деятельность пустые и преходящие переживания религиозной эмоциональности; или же она ограничивается сближением с миром, способствуя исключительно психологическому и материальному благосостоянию общества. С другой стороны, что еще хуже, Церковь всегда рискует не относиться всерьез ко Христу, когда молчит о Нем, когда не ставит Его на первое место, умаляя Его весть до «ценностей», или «гражданских обязательств», или внешних «норм морали»; иногда может даже сложиться впечатление, что Церковь «стыдится» Христа, ошибочно уверившись в том, что она не должна «навязывать» свои идеи, быть «догматической» или «высокомерной» в своих предложениях. Отец Джуссани и сегодня учит нас избегать таких ложных страхов, не прятать наш светильник — Христа — под сусудом, а ставить ее у всех на виду на подсвечнике Церкви. Его харизма и его неустанное апостольство — не только дар для Церкви, но и его вклад в жизнь мира, ведь весь мир ожидает Истину, примирение, надежду, которые могут прийти лишь от Христа.